

зом «со своей стороны способствует пониманию настоящего и осознанию задач будущего» (стр. 127).

В. Хофман с полным правом кладет в основу своих рассуждений о классической древности и нашей современности понятие всеохватывающей науки о классической древности. Но почему же «культура классической древности должна занимать преимущественное положение сравнительно с другими культурами древности» — на этот вопрос мы в разъяснениях В. Хофмана едва ли найдем прямой ответ. В этой связи представляется уместным вспомнить о статьях журнала «Das Altertum», посвященных вопросу о единстве древнего мира<sup>13</sup>, которые в какой-то мере предвосхитили дискуссию о филологии.

В ходе дебатов о филологии не остался без внимания и феномен гуманизма. В этой связи следует назвать статью Уго Пьячентини и Бото Виле (Берлин), озаглавленную словами Энгельса «Без античного рабства не было бы совре-

менного социализма»<sup>14</sup>, где за исходный пункт взята римская «humanitas»<sup>15</sup>. Статья представляет собой отклик на доклад «Происхождение и сущность принципа гуманизма в античности», прочитанный в Германской Академии художеств профессором Вернером Хартке, президентом Германской Академии наук в Берлине. В итоге своих выводов авторы видят в римской «humanitas» «прогрессивное начало, служащее новому обретению и сохранению человеческого в человеке...: формированию нового социалистического Прометея» (стр. 238).

Итак, здесь изложены в основных чертах дебаты о филологии на страницах журнала «Das Altertum». Редакция будет приветствовать дальнейшие поступления, связанные с этой тематикой, которые позволят подойти ближе к решению существенных проблем.

Хейнрих Кух

<sup>13</sup> S. M o r e n z, Die Einheit der Altertumswissenschaften. Gedanken und Sorgen zum 100. Geburtstag Eduard Meyers, «Das Altertum», 1, 1955, стр. 195—205; E. Ch. W e l s k o p f, Die Einheit der Weltgeschichte im Altertum, там же, 4, 1958, стр. 3—6.

<sup>14</sup> U. P i a c e n t i n i, B. W i e l e, «Ohne antike Sklaverei kein modernen Sozialismus» (Engels), там же, 11, 1965, стр. 235—238.

<sup>15</sup> Ср. также К. В ü c h n e r, Humanum und humanitas in der römischen Welt, Vom Bildungswert des Lateinischen, Wiesbaden, 1965 («Studien zur römischen Literatur», 5), стр. 47—65; 156 сл.

J. V O G T, *Sklaverei und Humanität. Studien zur antiken Sklaverei und ihrer Erforschung*, Wiesbaden, 1965, 129 стр.

Автор рецензируемой книги — профессор Тюбингенского университета и руководитель секции древней истории в Майнцской Академии наук и литературы — стал инициатором возобновления работ по изучению античного рабства в западноевропейской литературе. Под его руководством в трудах указанной академии появилось с 1953 по 1965 г. девять монографий, посвященных различным аспектам античного рабства. Взяты в целом труды майнцской серии<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> J. V o g t, *Sklaverei und Humanität im klassischen Griechentum*, Wiesbaden, 1953; он же, *Struktur der Sklavenkriege*, 1957; G. M i c k n a t, *Studien zur Kriegsgefangenschaft und Sklaverei in der griechischen Geschichte*, Erster Teil: Homer, 1954; S. L a u f f e r, *Die Bergwerksklaven von Laureion*, I. Teil: Bergwerksklaven von Laureion, Rechts-Arbeits- und Betriebsverhältnisse, Rechtsstellung, 1955; 2. Teil: Gesellschaftliche Verhältnisse, Aufstände, 1955; F. B ö - m e r, *Untersuchungen über die Religion der Sklaven in Griechenland und Rom*, 1. Teil: Die wichtigsten Kulte und Religionen in Rom und im lateinischen Wes-

ten, 1957; 2. Teil: Die sogenannte sakrale Freilassung in Griechenland und die (δοῦλος) ἱεροί, 1960; 3. Teil: Die wichtigsten Kulte der griechischen Welt, 1961; 4. Teil: Epilegomena, 1963; P. P. S p r a n - g e r, *Historische Untersuchungen zu den Sklavenfiguren des Plautus und Terenz*, 1960; H. V o l k m a n n, *Die Massenversklavungen der Einwohner oberer Städte in der hellenistisch-römischen Zeit*, 1961; F. G s c h n i t z e r, *Studien zur griechischen Terminologie der Sklaverei*, I. Grunzüge des vorhellenistischen Sprachgebrauchs, 1963; H. U. I n s t i n s k y, *Marcus Aurelius Prosenes — Freigelassener und Christ am Kaiserhof*, 1964.

<sup>2</sup> Книжки майнцской серии неоднократно рецензировались в нашей литературе: Микнат — Я. А. Л е н ц м а н, ВДИ,

Благодаря инициативе Й. Фогта в ФРГ предпринят и перевод серии «Исследования по истории рабства в античном мире», издаваемой Академией наук СССР; первый том этой серии вышел в немецком переводе в 1966 г.<sup>3</sup>

Рецензируемый труд состоит из семи отдельных исследований. Два первых — «Рабство и гуманность в классическом эллинизме» (стр. 1—19) и «К структуре рабских восстаний в античности» (стр. 20—60) — были опубликованы в 1953 и 1957 гг. в трудах майнцкой серии. Статьи «Пергам и Аристоник» (стр. 61—68), «Пути к человечности в античном рабстве» (стр. 69—82) и «Античное рабство как тема исследования от Гумбольдта до наших дней» (стр. 97—111) датируются соответственно 1959, 1958 и 1962 годами. Кроме того, в рецензируемую книгу включены две впервые публикуемые статьи: «Рабская верность» (стр. 83—96)<sup>4</sup> и «Гуманисты и рабство» (стр. 112—129).

Объединение в одну книгу нескольких статей, задуманных в качестве самостоятельных этюдов, написанных в разное время и не претендующих на полноту охвата темы, всегда грозит опасностью утраты цельности книги и, тем самым, искажением концепции автора. Видимо, осознавая эту опасность, Й. Фогт счел необходимым дать книге подзаголовок «Исследования в области античного рабства и его историографии». Надо признать, что автору удалось создать вполне цельную работу, и он с полным правом мог заявить в предисловии: «Не стирая следов их (т. е. отдельных статей. — Я. Л.) происхождения, я все же смог превратить их в главы тематически единой книги». Предпринятая автором переработка отдельных статей позволила ему учесть критические замечания рецензентов, снять некоторые наиболее уязвимые положения и четче выявить основные пункты его концепции.

Чтобы лучше оценить значение рассматриваемой книги, читателю следует перенестись мыслью лет на 15 назад, когда писалась первая из перечисленных статей Й. Фогта. В западноевропейской историографии античного рабства в те годы безраздельно господствовала систе-

ма взглядов Эд. Мейера — Уэстермана, которая всячески преуменьшала численность рабов в древности, идеализировала их положение и фактически игнорировала роль античного рабства как исторического явления. Статья Уэстермана о рабстве в энциклопедии Паули (1935 г.) на протяжении 15—20 лет казалась не только последним, но и едва ли не непревзойденным словом в науке. Реакция против концепции Уэстермана началась в зарубежной науке лишь после выхода в свет его посмертного труда «Системы рабства в греческой и римской древности» (1955 г.)<sup>5</sup>. До этого же только марксистские, в первую очередь, естественно, советские, антиковеды выступали с критикой концепции Мейера — Уэстермана, однако их взгляды долгое время фактически игнорировались в зарубежной специальной литературе.

В такой обстановке Й. Фогт, первым среди западноевропейских античников, вновь выдвинул проблему античного рабства. Выступив против преуменьшения исторической роли рабства в греко-римской античности, он подчеркивал необходимость собрать и заново рассмотреть сведения античных авторов о рабах и рабстве. Осознавая всю трудность и громадный объем этой задачи, он прилагал все усилия, чтобы создать вокруг Майнцской Академии группу исследователей этой проблемы из своих учеников и коллег. Опубликованные до сих пор их труды (см. выше, прим. 1) наглядно показывают, как много внес инициатор серии в историографию античного рабства.

Открывающая рецензируемую книгу статья 1953 года резко отличается от работ Уэстермана уже самим подходом к теме, самым отношением к античным рабам, сочувствием их тяжелой доле; Фогт стремится проследить прежде всего зарождение и развитие гуманного отношения к рабам в древности, восприятие самими древними рабов как человеческих существ, достойных уважения. Ничего похожего мы не находим у Уэстермана, который, не желая останавливаться на жестокостях античных рабовладельцев, а priori отвергал все соответствующие свидетельства античных авторов как не относящиеся к делу<sup>6</sup>. В рассматриваемой книге, напротив, даже в самих названиях статей постоянно звучат слова «человечность» и «гуманность».

Отметив, что уже в классической Элладе можно обнаружить зачатки гуман-

1956, № 2, стр. 107—111; Лауффер — Л. М. Г л у с к и н а, ВДИ, 1959, № 3, стр. 181—191; Бёмер — Е. М. Ш т а е р м а н, ВДИ, 1959, № 3, стр. 199—206 (на I том работы Бёмера). Обзор трудов майнцкой серии в целом см. Я. А. Л е н ц м а н, Рабство в микенской и гомеровской Греции, М., 1963, стр. 71—81.

<sup>3</sup> Ja. A. L e n c m a n, Die Sklaverei im mykenischen und homerischen Griechenland, Wiesbaden, 1966.

<sup>4</sup> Эта статья, как сообщает автор (стр. 83, прим. 1), публикуется также в «Mélanges Piganiol».

<sup>5</sup> См. развернутую рецензию на эту книгу в ВДИ, 1958, № 4, стр. 136—158.

<sup>6</sup> В введении к книге (стр. X) Уэстерман предупреждал, что сознательно избегал «эмоциональных» терминов, как «ужасы рабства...», *bestia servilis...*, «человеческий товар», нарушающих картину рабского труда и его практику в античности.

ных идей, характерных для «Новой комедии Менаандра, философии средней Стои и мировоззрения образованных римлян», Фогт ставит вопрос, не слишком ли легко мирились эллины с тем, что «некоторые люди служили лишь орудиями труда, лишь вещами» (ук. соч., стр. 1). Он приходит к выводу (стр. 19), что рабство и обусловленная им потеря человечности входили в число жертв, которые греки должны были принести на пути к прогрессу. Так, разделяя с А. Валлоном глубокое сочувствие к париям античных обществ, Фогт в отличие от французского исследователя прошлого века подчеркивает историческую необходимость и в то же время ограниченность античного рабства.

Если первая статья сборника, в которой автор, избегая какой-либо полемики, ограничил рамки исследования только Афинами, притом лишь классического времени, служит как бы широким введением к проблематике книги, то вторая работа Фогта — «К структуре рабских восстаний в античности» — и по объему, и по кругу затронутых в ней проблем, и по весомости выводов занимает центральное место во всей книге. Нисколько не ставя перед собой задачу систематически рассмотреть массовые движения рабов от начала Первого сицилийского восстания до поражения Спартака, Фогт концентрировал внимание на сопоставлении этих движений. Его интересуют прежде всего вопросы, существовала ли специфическая идеология рабов, какие политические цели ставили перед собой восставшие, какова была роль религиозных и национальных мотивов и, наконец, можно ли говорить для того времени о «мировом пролетарском движении». Фогт резко и последовательно выступил здесь против характерных для ряда западных ученых (У. Карштедт, А. Розенберг и др.) попыток модернизировать движения античных рабов. Он едко высмеивает (стр. 54) поиски «красного Интернационала», «охватывающего весь мир сознательного пролетарского движения во II—I вв. до н. э. и «готового пролетарского коммунистического государства в Бруттии». При этом Фогт отмечает (там же), что «советская историческая наука, поставившая на передний план своих работ изучение социальных движений в древности, в полном соответствии с нашими источниками оценивает своеобразие восстаний рабов значительно правильнее, чем склонная ко всяческому комбинациям, временами пользующаяся у нас успехом история». Причины единовременности восстаний рабов Фогт видит (стр. 55) «в революционном настроении всей этой эпохи... и в непосредственных контактах, отчасти в действенной службе связи и в пропаганде» тех или иных повстанческих цент-

ров. По его мнению (стр. 58), характерным для того времени было отсутствие особой идеологии восставших рабов: их политические и социальные идеи зависели от условий места и времени; к тому же они во многом были заимствованы из мира представлений менаандских слоев и старых династий. В Сицилии восставшие сначала подражали образцу «эллинистической монархии с ее двором, государственным советом, чиновным аппаратом и ... народом подданных» (стр. 59). Во Втором сицилийском восстании повторилась та же картина с тем только отличием, что на сей раз царская власть появилась в западном облачении.

Более самостоятельными показали себя рабы в тех действиях, которые находили себе опору в их религиозных представлениях. Так, если на Евна, а может быть, и на Аристоника воздействовала как пример религиозно-освободительная борьба Маккавеев, то здесь они вступили на путь, который мог привести к преодолению и принципа эллинистического суверенитета и притязаний Рима на мировое господство (стр. 59). Элементы самостоятельности были проявлены рабами и в военном деле, где они в чем-то смогли подойти к пониманию своеобразных законов партизанской войны. Если эти новые методы не могли обеспечить продолжительный успех, то это объясняется тем обстоятельством, что все, в том числе и рабы, принимали институт рабства как нечто само собой разумеющееся и чем сильнее затягивалась война, тем больше повстанцы уподоблялись в глазах прочих «бандитам».

В качестве естественного продолжения труда о рабских восстаниях воспринимается читателем доклад Фогта «Пергам и Аристоник», прочитанный на III Конгрессе греческой и римской эпиграфики в Риме (1959 г.). Восстанию Аристоники уделено непропорционально мало места в первой из названных работ, видимо, потому, что автор собирался посвятить ему особый доклад. С другой стороны, однако, на характер последнего, возможно, повлиял предполагаемый состав аудитории. В результате работа о восстании Аристоники получилась несколько скомканной, а автор ограничился в основном рассмотрением некоторых, правда весьма важных, надписей, относящихся к этому восстанию. Из различия между знаменитым пергамским декретом о даровании прав гражданства и других льгот различным категориям населения столицы Атталидов и не менее известным постановлением эфесян времени Митридатых войн Фогт делает важный и, на мой взгляд, весьма правдоподобный вывод: если в пергамском декрете представление прав перечисленным в нем категориям населения не было обусловлено никакими предварительными требова-

ниями, значит декрет был принят в ответ на соответствующее обращение противной стороны (ук. соч., стр. 63). Поэтому Фогт приходит к заключению, что Аристоник поднял восстание сразу же после смерти Аттала III.

В следующих двух статьях («Пути к человечности в античном рабстве» и «Рабская верность») Фогт продолжает начатые им в первом очерке сборника поиски. «Пути к человечности...» представляют собой переработанный<sup>7</sup> вариант речи после избрания Фогта ректором Тюбингенского университета в 1958 г. После краткого историографического обзора проблематики античного рабства Фогт обратил здесь свое внимание на те группы рабов и рабынь, которые уже по служебному положению были более близки своим господам. Речь идет о таких категориях рабов и рабынь, как: кормилицы, дядьки («пайдагоги»), учителя, врачи и т. д. Фогт отмечает, что здесь тема исследования «повела его в такие области, которых лишь изредка касается историк» (стр. 82). У читателя действительно остается исключительно яркое впечатление от выборочно, но обильно подобранных свидетельств близости между принадлежавшими к рабскому сословию кормилицами, няньками, дядьками, учителями, врачами и их господами. Правда, впечатление это касается главным образом не примеров человечности во взаимоотношениях между рабами и рабовладельцами, к чему стремился автор рассматриваемой работы, а степени распространения рабства в римской мировой державе. Об этом говорит и восходящая к институту рабства эволюция *παιδαγωγός* через *paedagogus* к современному «педагогу», и яркая цитата из труда Плиния (NH, XXIX, 1, 19): «Мы ходим чужими ногами, видим чужими глазами, приветствуем встречных, пользуясь чужой памятью, живем чужими трудами. Естественное потеряло цену, а жизнь — содержание. Мы оставляем себе лишь наслаждение». Слова Плиния Старшего ведут Фогта к размышлениям (стр. 80) о появлении проблемы самоотчуждения человека — проблемы, вновь открытой современным, высокоиндустриализованным обществом.

Поиски «человечности» Фогт продолжает и в этюде о «рабской верности», посвященном Андре Пиганиолу. Сославшись на слова маститого французского ученого «Римская империя была рабовладельческим государством», Фогт рассматривает примеры *fides servorum*, приводимые Валерием Максимом, Ап-

пианом, Сенекой и Макробием. Сопоставление рассказов этих четырех авторов свидетельствует о наличии тематических сборников подобных примеров. Очевидно, в римском просвещенном обществе императорского времени существовал интерес к такого рода тематике. Автор подчеркивает человечность отношений между господами и рабами даже в акте специфического *beneficium servi*, когда господин предпочитал принять смерть от руки верного раба, чем отдать себя в руки преследователей. Так замыкался круг жизни античных рабовладельцев: делая первые шаги под наблюдением рабынь — кормилиц и нянек, они завершали свой жизненный путь при содействии верных рабов. Значительный интерес представляет заключительная часть статьи, где Фогт рассматривает отношение раннего христианства к рабству и, в частности, роль понятия *δοῦλος ἀγαθός καὶ πιστός* в евангелиях. Он отмечает, что евангельские притчи отражают реальные условия жизни в восточных провинциях империи, и показывает (стр. 94), как присущая рабскому существованию полная подчиненность чужой воле видоизменяется в притчах в отражении отношения человека к богу. Освящая рабство, евангелия, как пишет Фогт, «сохраняют за противоречием: господин — раб лишь относительное значение в новой общине» (стр. 96).

Последние две статьи рецензируемого сборника имеют в основном историографический характер. В первой из них намечены главные вехи изучения проблематики античного рабства на протяжении последних полутора столетий, т. е. примерно за тот же период, который был объектом рассмотрения в первом выпуске советской серии трудов по истории античного рабства. Различные в охвате темы состоит в том, что Фогт поставил перед собой значительно более широкую задачу — рассмотреть историографию всего античного рабства, в то время как автор этих строк ограничился анализом взглядов на рабство древнегреческое. Тем интереснее сопоставление выводов обеих работ. Наконец, в заключительной статье сборника Фогт исследовал взгляды ученых XIV—XVIII вв. на античное рабство, и хотя статья эта, видимо, написана после предыдущей, логически она служит как бы введением к ней.

В историографических статьях Фогт, естественно, не стремится к исчерпывающему освещению темы своего исследования. Он сразу же подчеркивает, что видит свою задачу в том, чтобы показать, как развивалась проблематика рабства в рамках общего изучения античности, как на нее воздействовали умственные течения и социальный опыт этих бурных времен и какую она предстает перед историками и филологами-классиками наших дней» (стр. 97). Такую поста-

<sup>7</sup> С удовлетворением можно отметить, что в книге Фогт счел нужным пересмотреть те необъективные замечания о марксистском антиковедении, какие можно найти в первоначальном тексте его ректорской речи.

новку вопроса можно только приветствовать.

Среди писателей прошлого века внимание Фогта закономерно привлекли прежде всего А. Валлон и П. Аллар. Концепция первого рассмотрена на фоне положительно оцениваемого аболиционистского движения середины столетия. Затем Фогт по возможности обстоятельно, хотя далеко не во всем объективно, рассматривает воздействие современного рабочего движения и марксизма на изучение античного рабства. Так, он цитирует (стр. 102) исключительно интересный отрывок из «Воспоминаний» К. Бюхера о мотивах, склонивших его рассмотреть восстания античных рабов в плане сравнения с практикой рабочего движения. По-видимому, оправданному мнению Фогта, соответствующая книга Бюхера «стоит в начале той неограниченной исторической модернизации, которая через античный социализм и коммунизм Роберта фон Пельмана должна была привести к тезисам Ульриха Каршtedта о большевизме на Сицилии и об античной диктатуре пролетариата» (там же). Здесь можно было бы указать, что именно Бюхер наиболее резко возражал против модернизаторских концепций Эд. Мейера, о чем, кстати сказать, Фогт полностью умалчивает (см. стр. 103 сл.). Обзорные труды историков прошлого века заканчиваются критикой концепции античного рабства в труде социал-демократа марксиста Э. Чиккотти.

Надо вполне согласиться с критическими замечаниями Фогта об упомянутой выше монографии Уэстермана. Он подчеркивает (стр. 106 сл.), что свидетельства источников «нередко ложно толкуются» Уэстерманом, что он «часто упускает из вида разнообразные градации неволи и полусвободы», что «Уэстерман откровенно склонен к недооценке рабства как элемента производственных отношений и как формы проявления человеческого существования».

Много внимания уделяет Фогт оценке современной марксистской, прежде всего советской, историографии рабства (стр. 108 сл.). Выше нами уже упоминались благоприятные высказывания его — в книге 1953 года — о советских исследователях движений рабов. Здесь стоит отметить, что если эта книга в первом издании была посвящена «*Collegis et discipulis investigatoribus servitutis antiquae*», то в рецензируемом издании посвящение звучит уже несколько по-иному (стр. 20): «*Investigatoribus servitutis antiquae tam in occidentis quam in orientis partibus assiduis*». В то же время Фогт уверяет (стр. 108), будто бы «заранее установленные отправные позиции и твердо определенные целевые установки марксистской истории... затрудняют научное взаимопонимание с учеными западного мира». Но ведь как марксистские историки стоят на общей идейной платформе марксизма, так и западные

ученые имеют свои воззрения, которые в достаточной мере воздействуют на их подход к теме исследования, а зачастую (как, например, у Уэстермана) и на конечные выводы. Что же касается понимания античного рабства, то связанные с ним вопросы дискутируются и в среде историков-марксистов, вызывая подчас довольно значительные расхождения, пожалуй не меньшие, чем среди авторов майнцской серии. Что же касается замечания Фогта, адресованного автору этих строк (стр. 109), о часто необоснованной полемичности историографического обзора, то этот упрек с немалым основанием можно было бы обратить и к упоминаемому Фогтом без единого слова критики докладу С. Лауффера на Стокгольмском конгрессе.

В заключение несколько слов об оценке нынешнего состояния изучения проблематики античного рабства. Сообщив читателям о выпускаемой советской серии исследований, Фогт (стр. 109) замечает: «Насколько я могу оценить состояние работ по эту и ту стороны Рубикона, мне кажется, что нужны еще многие монографические исследования, прежде чем можно будет осмелиться предпринять новую сводную работу и убедительно показать место рабства в античной культуре... Обстоятельному и точному изучению должна быть подвергнута функция рабства во всех фазах жизненного процесса, прежде чем можно будет сказать, имеем ли мы дело с доброкачественной опухолью или же с раком во плоти античного общества». Затем Фогт перечисляет имеющиеся лакуны в историографии античного рабства. Перечень этот имеет, на мой взгляд, немаловажное значение и для советских исследователей этой проблемы. К подобным проблемам Фогт в литературе причисляет такие проблемы, как работорговля и вообще источники рабства, в частности, вопрос о доморожденных рабах, отношение раннего христианства и церкви к рабству, роль рабов в искусстве, рабы в денежном и банковском деле, рабы на императорской службе, побеги рабов, жизнь рабов, по данным бассейнов, послов и т. д., язык рабов, правила обращения с рабами, участие рабов в военной службе, наконец, рабство и отношения между рабами. Действительно, лагун в области изучения античного рабства еще очень много. К приведенному здесь перечню мы бы легко могли добавить и новые темы, как, например, непродукция и восстания рабов. Однако ведь даже столь крупное мероприятие, как выпускаемая ныне у нас серия исследований по истории античного рабства, воспринимается нами вовсе не как окончательное решение этой проблемы, а лишь как возможное на нынешнем этапе предварительное суммирование итогов того, что сделано в этой области, и того, что еще предстоит сделать.

Я. А. Ленцман